DOI: 10.31249/rsm/2023.03.08

Р.А. Юнеман

ФАКТОР ДИАСПОРЫ В ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КАЗАХСТАНА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В Казахстане проживает вторая в мире по численности русская диаспора. Это оказывает влияние на политику Российской Федерации в отношении Республики Казахстан, в том числе и на гуманитарную. В данной статье автор исследует гуманитарную политику России в Казахстане, влияние русской диаспоры на нее и пересечение с диаспоральной политикой. Исследуются нормативно-правовые акты, высказывания лиц, принимающих решения и иные результаты деятельности гуманитарных и диаспоральных организаций. В результате автор приходит к выводу о значительном пересечении гуманитарной и диаспоральной политики России в Казахстане, отрицательно влияющем на эффективность обеих. Кроме того, в качестве одной из ключевых проблем гуманитарной политики отмечается отсутствие чёткого целеполагания. Всё это усугубляется фокусом исключительно на культурных и образовательных инициативах. Помимо прочего, диаспоральная политика России в Казахстане также не имеет чёткой цели и ограничена культурными и образовательными инициативами, оставляя вне фокуса правозащитную и организационную деятельность в интересах русской диаспоры. В заключение работы автором предлагается установить чёткие цели и диаспоральной, и гуманитарной политики в Казахстане, а также отделить их институционально друг от друга.*

Ключевые слова*: гуманитарная политика; диаспора; Россия; Казахстан; соотечественники; диаспоральная политика.*

Юнеман Роман Александрович – аспирант
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики».
Россия, Москва.
E-mail: rayuneman@hse.ru
ResearcherID: P-9338-2015

Yuneman R.A. **The Diaspora Factor in Russia's Humanitarian Policy towards Kazakhstan: Challenges and Prospects**

Abstract. *Kazakhstan is home to the second largest Russian diaspora in the world. This fact affects Russian humanitarian policy towards the Republic of Kazakhstan. This paper examines Russia's humanitarian policy in Kazakhstan, the impact of the Russian diaspora on it, and the intersection with diaspora policy. Normative-legal acts, statements of decision-makers, and other results of the activities of humanitarian and diaspora organizations are studied. As a result, the article concludes that there is a significant intersection of Russia's humanitarian and diaspora policy in Kazakhstan negatively impacting the effectiveness of both. In addition, one of the key problems of humanitarian policy is the lack of clear goal-setting. Furthermore, Russian diaspora policy in Kazakhstan focuses exclusively on cultural and educational initiatives. Lacking a clear goal and being limited to these initiatives, the diaspora policy leaves out protecting the rights and empowerment of the Russian diaspora. The article suggests setting clear targets for the diaspora and humanitarian policies in Kazakhstan and separating them institutionally.*

Keywords: *humanitarian policy; diaspora; Russia; Kazakhstan; compatriots; diaspora policy.*

Yuneman Roman Aleksandrovich – a post-graduate student
at the National Research University Higher School of Economics.
Russia, Moscow.
E-mail: rayuneman@hse.ru
Researcher ID: P-9338-2015

Введение

Казахстан является одним из ключевых союзников России на постсоветском пространстве. После начала СВО в связи с экономическими санкциями против России и отъездом большого числа граждан России в Казахстан особенно актуален вопрос развития отношений между двумя странами. Гуманитарная политика в данном контексте может быть одним из инструментов развития отношений России и Казахстана и поэтому вопрос об эффективности и целеполагании гуманитарной политики России в Казахстане становится особенно актуальным.

Исследования гуманитарной политики России на постсоветском пространстве (и в Казахстане) в основном посвящены анализу её эффективности [Гусаров 2017; Hanks 2021]. Часть исследователей делают упор на отсутствие внятного целеполагания [Борисов 2019; Борисов 2021], другие говорят о необходимости увеличения финансирования [Примаков 2018], третьи – о необходимости новых форм работы [Бактыбаева 2021, 400–408]. Все исследователи

сходятся во мнении о недостаточной эффективности гуманитарной политики России на постсоветском пространстве и выделяют разные предполагаемые причины данной неэффективности.

Отдельно от гуманитарной политики исследуется русская диаспора в Казахстане, а также российская диаспоральная политика в её отношении. Так, зарубежные авторы часто исследуют связь русской диаспоры в Казахстане и российской «мягкой силы» [Yanthan 2019; Suslov 2017], в то время как российские – механизмы и проблемы диаспоральной политики и её институтов [Морозова 2019; Ревазова 2017]. Отдельно стоит выделить работы, посвященные состоянию и эволюции русской диаспоры Казахстана [Герасимова 2019; Senggirbay 2019]. Тем не менее остается неизученным вопрос о том, как русская диаспора влияет на эффективность гуманитарной политики России в Казахстане, а также о связи и степени пересечения диаспоральной политики и политики гуманитарной, оценки их эффективности в связке друг с другом.

Гуманитарная политика Российской Федерации в Казахстане

Под гуманитарной политикой в русском языке могут подразумеваться различные вещи, а само понятие гуманитарной политики однозначно не определено в российских нормативно-правовых актах. Так, в Концепции внешней политики РФ от 2016 г. гуманитарная политика подразумевается как один из инструментов «мягкой силы», как дополнение к традиционным методам дипломатии (при этом, определения понятия «гуманитарный» в документе не приводится) [Указ Президента от 30.11.2016]. В том же документе не проводится четкого разграничения гуманитарной политики и политики культурной: в каких-то статьях они идут через запятую, а в статье 107 – уже через дефис, «культурно-гуманитарными» [Указ Президента от 30.11.2016]. В другом документе, Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, под гуманитарной политикой подразумевается также прежде всего культурная политика, а сама гуманитарная политика постулируется как «неотъемлемая часть внешней политики» [Указ Президента от 05.09.2022]. Наконец, особняком стоит понятие «гуманитарная помощь», которое определяется как «вид безвозмездной помощи», предоставляемой при чрезвычайных ситуациях [Основные направления]. В целом, можно сделать вывод о двух толкованиях гуманитарной политики исходя из российских НПА: «гуманитарная политика как культурная политика» и «гуманитарная политика как материальная помощь».

Существующая неразбериха в терминах не осталась незамеченной. Российский исследователь гуманитарной политики А.В. Борисов, отмечая неоднозначность трактовки понятия «гуманитарная политика», утверждает

о фокусе на культурном аспекте гуманитарной политики в российских документах, при деприоритизации аспекта материальной помощи в развитии [Борисов 2019]. В свою очередь, глава Россотрудничества Е.А. Примаков, указывая на неопределенность термина, приводит свое определение гуманитарной политики как «транслирования гуманитарных ценностей, опирающихся на формализованные и неформализованные представления о правах человека и групп / сообществ, на сферу международных отношений» [Примаков 2018]. Термин «гуманитарная политика» существует в раздвоенном состоянии и в исследовательском поле – между политикой культурной и материальной помощью развитию сообществ.

С точки зрения автора этой статьи, гуманитарная политика однозначно является частью политики «мягкой силы» (а не наоборот), причем в первоначальном понимании Дж. Ная не как пропагандистского воздействия, а как «способности достигать цели посредством привлечения, а не принуждения… Мягкая сила может опираться на привлекательность идей и культуры или на способность определять повестку дня с помощью стандартов и институтов, которые формируют предпочтения других» [Keohane 1998, с. 86]. Размытость термина «гуманитарная политика», помимо трудностей для исследователя, несёт в себе и трудности для непосредственных исполнителей гуманитарных программ. При отсутствии четко определенного поля действия эффективность любой политики (не только гуманитарной) будет снижаться.

Гуманитарная политика Российской Федерации в Республике Казахстан проводится в рамках общей стратегии и институтов гуманитарной политики. Не существует какого-то отдельного агентства или публичной концепции, которые были бы направлены исключительно на гуманитарную политику в отношении Республики Казахстан. Основным операторам гуманитарной политики в Казахстане со стороны России является Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) при активном взаимодействии с консульствами РФ в Республике Казахстан.

Глава Россотрудничества Е.А. Примаков утверждает, что гуманитарная политика России находится в глубоком кризисе [Примаков 2020]. У этого кризиса есть несколько причин – одна из которых недофинансирование. Так, при утверждении о важности «мягкой силы» (и гуманитарной политики как её инструмента) на соответствующие программы выделяется около 3% от общего бюджета внешнеполитической деятельности [Гусаров 2017]. Несмотря на постоянные просьбы со стороны лиц, принимающих решения в области гуманитарной политики, увеличить в несколько раз бюджет на продвижение российской «мягкой силы», он остается сравнительно низким – так, Германия

или Франция тратят в 7–8 раз больше на продвижение национальных языков, чем Россия [Примаков 2020]. Большая часть российских бюджетных средств, выделенных на проведение гуманитарной политики, расходуется на операционную деятельность ведомств, а не проектную. При этом, в отличие от модели USAID в США, Россотрудничество является одновременно и заказчиком, и оператором гуманитарной политики.

Другая проблема российской гуманитарной политики в Казахстане лежит в сфере целеполагания. С одной стороны, неясно само послание, которое несет гуманитарная политика – что предлагает и продвигает Россия в Казахстане? Так, А.В. Борисов констатирует её отсутствие не только на казахстанском направлении, но и в целом, а также утверждает о невозможности достижения целей политики «мягкой силы» без четко сформулированного гуманитарного послания [Борисов 2019]. Несмотря на то, что в новой Концепции гуманитарной политики от 2022 г. цели гуманитарной политики формально определены, они всё еще остаются по сути своей техническими: формирование объективного мнения о России и её историческом пути, а также «контакты между людьми» [Указ Президента от 05.09.2022]. Остается непроясненным для чего необходимо формирование объективного мнения о России и «контакты между людьми»?

С другой стороны, неясна аудитория этого послания: это русские, русскоязычные, казахоязычные казахстанцы? Основная гуманитарная работа в Казахстане сейчас ведется для первых двух категорий с упором на соотечественников, однако такая ситуация сложилась не в результате определенной стратегии, а в результате исторических процессов. Четкой сегментации и выделения целевой аудитории гуманитарной политики РФ в РК до сих пор не проведено.

Кроме того, ключевой проблемой планирования гуманитарной деятельности является фокус КПЭ не на достигнутых результатах, а на количестве проведенных мероприятий [Поликанов 2021]. Только в последнее время гуманитарная политика Российской Федерации в Казахстане (и в странах ближнего зарубежья в целом) стала уходить от «фуршетно-балалаечного» формата круглых столов и концертов народной культуры, присущего ей в нулевые и десятые годы [Ревазова, 2017, с. 86]. Тем не менее проблемой всё еще остается отсутствие новых форм гуманитарной политики, новых идей, основанных на локальной казахстанской специфике.

Кроме того, отсутствуют и специфические цели гуманитарной политики в отношении отдельных стран или регионов – в том числе и в новой Концепции гуманитарной политики. Так, официально зафиксированной цели относительно гуманитарной политики России в отношении Казахстана (или даже всего постсоветского пространства отдельно) до сих пор не существует.

Русская диаспора Казахстана как фактор гуманитарной политики

В Республике Казахстан проживают 3,5 млн этнических русских, а также примерно 0,7 млн человек других европейских народов, говорящих на русском языке [Численность населения Республики 2021]. Русская диаспора в Казахстане имеет ряд особенностей[1]. На сегодняшний день в Казахстане действует несколько десятков различных русских и славянских объединений, сосредоточенных на культурной и просветительской деятельности. Многие из этих организаций дублируют функции друг друга, а попытки создать «единый фронт» русских организаций Казахстана провалились из-за личных амбиций их руководителей и целенаправленной политики государства (см., например, Ассоциация русских, славянских и казачьих организаций – АРСКО) [Ларюэль 2007]. Попытки политической организации «Русская партия» также не были успешны из-за конституционного запрета на политические организации, созданные по национальному или религиозному принципу [там же]. Поэтому на данный момент русские Казахстана не имеют политического или общественного движения, которое бы отстаивало их права и боролось, к примеру, за сохранение статуса русского языка. Значимых диаспоральных форм организации, помимо чатов в мессенджере Телеграм, не появилось и в связи с последней волной эмиграции граждан России в Казахстан.

В целом, русская диаспора в Казахстане за 30 лет независимости так и не сложилась как устойчивое сообщество по трем основным причинам: перманентная эмиграция десятков тысяч человек ежегодно в Россию, отсутствие работающих форм самоорганизации и противодействие такой организации со стороны казахстанских властей. Более того, при сохранении нынешних тенденций её будущее на горизонте нескольких десятилетий выглядит крайне туманным, несмотря на недавний рост в связи с отъездом части граждан России от мобилизации.

Несмотря на низкую институционализацию, русские граждане Казахстана самим своим существованием оказывают влияние на политику Российской Федерации в отношении Республики Казахстан, в том числе и на гуманитарную.

– Во-первых, гуманитарная политика России вынуждена учитывать проживание большого количества русских в Казахстане и тем самым включать в себя специфический инструментарий. Наличие большого числа русских позволяет делать упор на культурные мероприятия и концерты русской культуры

1. Здесь и далее под «русским населением» понимаются русские, коренные народы Российской Федерации, а также другие европейские народы, родным языком которых является русский язык.

[Примаков 2018]. При условии ограниченности средств, выделяемых на гуманитарную политику – культурные мероприятия естественным образом доминируют среди прочих гуманитарных активностей.

– Во-вторых, фактор диаспоры меняет само гуманитарное послание – оно фокусируется на соотечественниках. Кроме того, прямая поддержка русских за рубежом может вступать в противоречие с политикой сопредельных стран по консолидации своих сограждан титульной нации. Так, по мнению А.В. Борисова проводимая политика в отношении русского меньшинства Казахстана ставит под угрозу межэлитное взаимодействие, так как элиты постсоветских республик занимаются нациестроительством, для которого сильная русская диаспора с поддержкой из России может быть серьезной помехой [Борисов 2021]. Однако в отличие от А.В. Борисова автор этой работы считает, что следствием этого должна быть более комплексная, но всё же направленная на защиту русских, политика, а не отказ от защиты соотечественников ближнего зарубежья.

– В-третьих, наличие диаспоры переводит фокус гуманитарной политики на саму диаспору как на более понятный объект деятельности [там же]. В 2000-е Россия впервые начала проводить активную диаспоральную политику в ближнем зарубежье, что обозначилось принятием в 1999 г. Закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Однако же сам закон не вносил ясности в цели диаспоральной политики и даже в понятие «соотечественник» (в ст. 1 в понятии «соотечественник» даже ни разу не употреблено слово «русский») [Федеральный закон от 04.05.1999.] Так или иначе, декларируемой целью было максимальное усиление русских в ближнем зарубежье за счет их организации и укоренения на местах с постепенным превращением диаспоры в орган влияния Российской Федерации [Suslov 2017]. Именно со второй половины 2000-х годов Российская Федерация начала системную работу с соотечественниками за рубежом.

После присоединения Крыма к Российской Федерации, диаспоральная политика по отношению к русским Казахстана не претерпела существенных изменений, однако более выраженным в ней стала проблематика правозащитной деятельности в отношении пророссийских активистов и защиты русского языка. Начались преследования пророссийских активистов даже казахского происхождения: так, 2 раза был осужден Ермек Тайчибеков, выступавший против ущемления русскоязычного меньшинства и за более тесное сотрудничество с Россией [Казахский правозащитник получил 2021]. Несмотря на свои пророссийские взгляды, с российской стороны ему было отказано в поддержке и предоставлении гражданства по формальным основаниям [В МИД России рассказали 2021]. Такое же отношение Российской Федерации к русскому меньшинству и его проблемам в Казахстане можно проследить на протяжении всего существования независимой Российской

Федерации. По мнению М. Ларюэль, его проблемы находятся «не в фокусе» действий РФ, и российская сторона никогда не поддерживала автономистские или ирредентистские устремления русских Казахстана, стремясь сохранить дружественные отношения с правительством Казахстана (это пересекается и с выводами А.В. Борисова) [Ларюэль 2007]. Отчасти такая нерешительность со стороны Российской Федерации в вопросе организации диаспоры в Казахстане является следствием отсутствия артикулированной цели диаспоральной политики.

С самого появления диаспоральной политики России ведутся дискуссии о её целеполагании. С одной стороны, чиновниками от диаспоральной политики РФ основной её целью понимается «чтобы соотечественники являлись полноправными гражданами государств своего проживания, сохраняя при этом свою этнокультурную самобытность, оставаясь интеллектуальным, экономическим и духовно-культурным ресурсом России в мировой политике» [О деятельности Департамента 2006]. С другой стороны, координаторы организаций соотечественников основной целью диаспоральной политики видят «консолидацию русских за рубежом [Ревазова 2017]. Отдельные исследователи называют всё же основной целью диаспоральной политики – репатриацию соотечественников, отталкиваясь от того, что это самая эффективная её отрасль на сегодняшний день [Борисов 2021]. Такая ситуация осознаётся и русскими активистами Казахстана, призывающими либо начать массовую репатриацию русских, либо встать на защиту их культуры и образа жизни [Намовир 2021]. Тем не менее полноценного закона о репатриации в России нет до сих пор, а официальная цель диаспоральной политики так и не определена: создание сильной диаспоры в сопредельных государствах или массовая репатриация соотечественников на Родину?

Координирующим органом всей диаспоральной политики Российской Федерации по отношению к соотечественникам является Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом (ПКДСР). Именно на её площадке координируют свои действия организации и государственные органы, работающие с соотечественниками. В рамках координирующей функции ПКДСР также организует и проводит конференции в России для организаций соотечественников за рубежом [Сибилёв 2011]. Тем не менее непосредственную реализацию выработанных на заседаниях ПКДСР инициатив проводит Департамент по работе с соотечественниками за рубежом (ДРС) МИД РФ, исполняя функции секретариата для ПКДСР [Прудникова 2014]. Согласно положению о ДРС, в его функции входит мониторинг правового положения соотечественников за рубежом, обеспечение деятельности ПКДСР, содействие по разработке госполитики в области миграции, проведение культурных, образовательных мероприятий, защита русского языка и работа со СМИ [Прудникова 2014]. То есть работа с соотечественниками, согласно официальным функциям

департамента, ограничивается правозащитной, культурной и информационной сферами. Такое целеполагание обеспечивает значительное смещение диаспоральной политики в сторону исключительно гуманитарной. Другими проблемами ДРС являются устаревшие формы коммуникации (к примеру, упор на распространение печатных изданий, неактуальные страницы в Интернете) и недостаток финансирования [Глава департамента МИД 2021]. Всё это оставляет открытым вопрос об эффективности ДРС как ключевого органа диаспоральной политики.

В своей деятельности ДРС МИД РФ опирается на страновые Координационные советы организаций российских соотечественников [Официальный сайт Координационного совета организаций российских соотечественников Республики Казахстан]. Казахстанский КСОРС был создан в 2007 г. для координации многочисленных русских организаций Республики. Анализируя деятельность КСОРС в Казахстане, опираясь на материалы, размещенные на его официальном сайте, можно отметить несколько основных направлений деятельности: проведение культурных мероприятий, конференций, посвященных русскому языку и этно-концертов [Официальный сайт Координационного совета организаций российских соотечественников Республики Казахстан]. Лишь отдельные новости КСОРС посвящены координации организаций соотечественников или правозащите, при этом ни одно резонансное дело в отношении соотечественников в Казахстане не нашло своего освещения на официальном сайте. Более того, М. Ревазова утверждает, что КСОРС намеренно замалчивает межнациональные проблемы в Республике Казахстан для того, чтобы не усложнять отношения России и Казахстана [Ревазова 2017]. Помимо прочего, стоит отметить, что кроме функций координации организаций соотечественников, КСОРС претендует (исходя из анализа официальных резолюций) на функции определения соответствия гражданина РК статусу соотечественника и ключевую роль в распределении средств МИД РФ в рамках проведения гуманитарной политики в Республике Казахстан [Резолюция Страновой отчетно-выборной Конференции от 4–6 июня 2021 г.]. В целом, Координационный совет в Казахстане на данный момент существует в качестве органа, сосредоточенного на распределении бюджетов, выделенных на гуманитарную политику и на проведении этно-культурных мероприятий, а не на координации организаций соотечественников и правозащитной деятельности.

Вопросами русской диаспоры также занимается Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. Основной функцией фонда является оказание правовой поддержки соотечественникам при нарушении их прав и свобод через систему индивидуальных консультаций и субсидий правозащитным организациям. Деятельность Фонда в Казахстане сложно оценить: из всех 84 новостей с 2013 по 2022 г., посвященных Казахстану, на сайте фонда только одна была посвящена деятельности фонда

[Новости фонда поддержки], остальные – новостям других организаций. Кроме того, в отчете фонда за 2012–2017 г. Казахстан не упоминается ни разу [Мероприятия фонда и партнеров]. На сайте фонда также нет информации об участии юристов фонда или аффилированных организаций в резонансных делах, касающихся соотечественников в Казахстане. Можно сделать вывод, что, несмотря на свою актуальность, деятельность фонда в Казахстане в основном ограничивается отдельными консультациями и агрегированием новостей других организаций соотечественников.

В целом функции органов, занимающихся вопросами соотечественников за рубежом дублируют друг друга, оставаясь ограниченными вопросами культуры и неполитической правозащиты.

Помимо организационной и правозащитной деятельности, диаспоральная политика в Казахстане теоретически включает в себя политику в сфере сохранения позиций русского языка, доступности образования на родном языке и возможности для сохранения русской культуры и традиций (эти сферы составляют её ключевой гуманитарный аспект). Тем не менее достижения в этой сфере, помимо проведения концертов песни и пляски, можно признать скромными – количество русских школ снижается, топонимика казахизируется, всё большее количество русских теряют связь с Россией [Ревазова 2017]. Это происходит во многом из-за политизации языкового вопроса и невозможности его решить лишь доступными инструментами гуманитарной политики в виде конкурсов, грантов и конференций.

Для диаспоральной политики России в Казахстане так же, как и для гуманитарной политики, характерно отсутствие четкого целеполагания и понимания желаемой конечной цели. Более того, диаспоральная политика не выделена отдельно и не сформирована в виде собственной концепции или хотя бы упоминания в Концепции внешней политики; а основополагающий закон о статусе соотечественников на сегодняшний день является слишком размытым. Кроме того, в Казахстане реализация диаспоральной политики с точки зрения используемых инструментов значительно пересекается с политикой гуманитарной. Всё это ставит под вопрос эффективность диаспоральной политики России в Казахстане.

Заключение

Понятие «гуманитарная политика» до сих пор не определено эксплицитно в нормативно-правовых актах, её регулирующих. Более того, в русскоязычной научной литературе существуют разные толкования термина. Основными конкурирующими нарративами являются «гуманитарная политика как культурная политика» и «гуманитарная политика как материальная помощь

развитию». Уже только этот факт затрудняет дальнейшее целеполагание при разработке государственных программ.

Российская гуманитарная политика в Казахстане, в основном, ограничивается организацией конкурсов, обменов, культурных и просветительских мероприятий – приближаясь к нарративу «гуманитарной политики как культурной». Ключевой проблемой такой политики является отсутствие четко определенной цели, а следовательно, представляется затруднительным оценить эффективность её достижения. Исследователи гуманитарной политики России в основном отмечают недостаточное финансирование, а также следование устаревшим формам и идеям в качестве причины фокуса гуманитарной политики на исключительно культурных инициативах.

Важным фактором, который влияет на форму реализации гуманитарной политики России в Казахстане является наличие значительной русской диаспоры. Несмотря на то, что диаспора плохо организована, сокращается и в перспективе десятилетий может исчезнуть, её существование создает двоякое влияние на проведение гуманитарной политики. Во-первых, наличие большого количества русских в Казахстане упрощает проведение культурных мероприятий и в целом создает благоприятную среду для трансляции гуманитарного послания. Во-вторых, в условиях недостаточного финансирования существование диаспоры приводит к фактическому сращиванию диаспоральной и гуманитарной политик. Итогом этого становится фокус гуманитарной политики на соотечественниках при игнорировании других аудиторий, а также консервация исключительно культурной составляющей гуманитарной политики.

При этом ключевой проблемой диаспоральной политики Российской Федерации также является отсутствие четкой цели и сформированных ожиданий от русской диаспоры за рубежом. Российская диаспоральная политика в Казахстане также ограничивается культурной деятельностью, становясь частью гуманитарной политики (или наоборот, гуманитарная политика становится частью диаспоральной). Попытки организации соотечественников в сплоченную диаспору привели лишь к появлению многочисленных конкурирующих русских организаций и когорты «профессиональных соотечественников». Кроме того, диаспоральная политика России в Казахстане лишь отчасти удовлетворяет потребность соотечественников в правозащите, игнорируя резонансные случаи, которые могли бы повредить двусторонним российско-казахстанским отношениям.

В Казахстане произошло смешение диаспоральной и гуманитарной политик, отрицательно влияющее на эффективность обеих – и гуманитарная, и диаспоральная политики России сейчас находятся в глубоком кризисе. Для выхода из этого кризиса необходимо реформирование как гуманитарной, так и диаспоральной политик. Такая реформа могла бы в себя включать:

– установление четких целей как для гуманитарной политики России, так и для диаспоральной;

– институциональное отделение институтов, занимающихся гуманитарной политикой от институтов диаспоральной политики как преследующих онтологически разные цели, успешное достижение которых в Казахстане может быть в конфликте друг с другом;

– кратное увеличение финансирования гуманитарной политики России в целом;

– внедрение новых методов работы, уход от фокуса на культурных мероприятиях;

– усиление правозащитной и организационной деятельности среди соотечественников в рамках диаспоральной политики.

При учете фактора диаспоры, чётком целеполагании и достаточном финансировании у российской гуманитарной политики в Казахстане может быть большой положительный сдвиг для взаимодействия двух стран.

Библиография

Бактыбаева А. Факторы, тормозящие развитие гуманитарного сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации в ходе евразийской интеграции // Постсоветские исследования. 2021. № 5. С. 400–408.

Борисов А.В. Гуманитарный вектор внешней политики России // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. С. 6–23.

Борисов А.В. К дискуссии о перспективах гуманитарной политики России на постсоветском пространстве // Проблемы постсоветского пространства. 2021. С. 192–206.

Герасимова В.А. Российские соотечественники за рубежом // Постсоветские исследования. 2019. 2(1). С. 904–922.

Глава департамента МИД по работе с соотечественниками: 9 Мая за рубежом отметят достойно // Tass. 2021. 4 мая. URL: https://tass.ru/interviews/11303877 (дата обращения: 31.01.2023).

Гусарова А. «Мягкая сила» России в Казахстане и Центральной Азии: как выполняет свои цели Россотрудничество? // Central Asia Analytical Network. 2017. 9 июня. https://www.caa-network.org/archives/9305 (дата обращения: 31.08.2022).

Илья Намовир. Трудно поверить, что власть Казахстана ничего не знает о дискриминации русских // Украина.ру. 2021. 12 августа. URL: https://ukraina.ru/20210812/1032048000.html (дата обращения: 31.08.2022).

Ларюэль М., Пейруз С. Русский вопрос в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. М.: Наталис. 2007. С. 400–405.

Мероприятия фонда и партнеров // Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. URL: https://pravfond.ru/meropriyatiya/ (дата обращения: 16.05.2023).

Морозова Е.Р. Роль Россотрудничества и организаций российских соотечественников в Республике Казахстан // Постсоветские исследования. 2(8). 2019. С. 1612–1619.

Новости Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом // Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. URL: https://pravfond.ru/press-tsentr/?TAG_SECTION=none&TAG_COUNTRY=Казахстан&datefrom=&dateto=&PAGEN_1=9 (дата обращения: 16.05.2023).

О деятельности Департамента по работе с соотечественниками за рубежом // РИА Новости. 2006. 8 марта. URL: https://ria.ru/20060308/44002519.html (дата обращения: 31.01.2023).

«Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» (утв. Президентом РФ 18.12.2010). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130289/ (дата обращения: 31.08.2022).

Официальный сайт Координационного совета организаций российских соотечественников Республики Казахстан (КСОРКС РК). URL: https://ksors.kz/category/все-разделы/ (дата обращения: 31.01.2023).

Поликанов Д.В. О новых подходах к распространению российского гуманитарного влияния // Дипломатическая служба и практика. 2021. С. 56–61.

Примаков Е.А. Гуманитарная миссия России // Пути к миру и безопасности. 2018. С. 182–196.

Примаков Е.А. О гуманитарной политике и немного о внешней в целом // Вести. 2020. 29 января. URL: https://www.vesti.ru/article/1294031 (дата обращения: 31.08.2022).

Прудникова Т.А. Роль субъектов организационно-правового обеспечения взаимодействия российского государства с соотечественниками за рубежом // Вестник Московского университета МВД России. №3. 2014. С. 141–145.

Ревазова М.И. Проблемы диаспоральной политики России в ближнем зарубежье // Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer». 2017. С. 79–93.

Резолюция Страновой отчетно-выборной Конференции организаций российских соотечественников, проживающих в Республике Казахстан // КСОРКС РК. 2021. 4–6 июня. URL: https://ksors.kz/wp-content/uploads/2021/07/РЕЗОЛЮЦИЯ-КСОРС-РК-2021.pdf (дата обращения: 31.01.2023).

Сибилёв В.И. Соотечественники и положение русского языка за рубежом // Международная жизнь. № 12. 2011. С. 132–139.

Указ Президента Российской Федерации Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 31.08.2022).

Указ Президента Российской Федерации Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом от 05.09.2022 г. № 611. URL: http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202209050019http://kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 08.09.2022).

Федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/4733d92796950eff2201181bdbcf75ca68fa7ddc/ (дата обращения: 31.08.2022).

Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2021 года // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://data.egov.kz/datasets/view?index=the_population_of_the_republic (дата обращения: 31.08.2022).

Hanks R.R. Russian and Chinese Hard / Soft Power Projection in Kazakhstan. Soft Power in Central Asia: The Politics of Influence and Seduction. 2021. P. 199.

Keohane Robert O., and Joseph S. Nye Jr. Power and interdependence in the information age. 1998. P. 158–165. Foreign Aff., 77. URL: https://www.jstor.org/stable/20049052 (дата обращения: 31.08.2022).

Senggirbay M. Ethnic Identity of Kazakhstani Russians: The Dynamics of Change and the Place of Russia as a Kin State. Journal of Nationalism, Memory & Language Politics. 13 (1). 2019.

Suslov M. Russian World: «Russia's Policy towards its Diaspora». Russie. Nei. Visions. 2017 Jul. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/suslov_russian_world_2017.pdf (дата обращения: 31.08.2022).

Yanthan C., Nath G. Russia'S Engagement With Its Diaspora in Kazakhstan: Soft Power At Play? // International Journal of Russian Studies. № 8(1). 2019. P. 40–52.

References

Baktybaeva A. Faktory, tormozyashchie razvitie gumanitarnogo sotrudnichestva Respubliki Kazahstan i Rossijskoj Federacii v hode evrazijskoj integracii [Factors hindering the development of humanitarian cooperation between the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation in the course of Eurasian integration]. Postsovetskie issledovaniya. 2021 [Post-Soviet studies] N 5. P. 400–408. (In Russ.)

Borisov A.V. Gumanitarnyj vektor vneshnej politiki Rossii [Humanitarian vector of Russia's foreign policy]. Vestnik diplomaticheskoj akademii MID Rossii. Rossiya i mir [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world]. 2019. P. 6–23. (In Russ.)

Borisov A.V. K diskussii o perspektivah gumanitarnoj politiki Rossii na postsovetskom prostranstve [Towards a discussion about the prospects for Russia's humanitarian policy in the post-Soviet space]. Problemy postsovetskogo prostranstva [Problems of the post-Soviet space]. 2021. P. 192–206. (In Russ.)

Chislennost' naseleniya Respubliki Kazahstan po otdel'nym etnosam na nachalo 2021 goda [Population of the Republic of Kazakhstan by individual ethnic groups at the beginning of 2021] URL: https://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT414397 (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 24.05.1999 № 99-FZ (red. ot 23.07.2013) «O gosudarstvennoj politike Rossijskoj Federacii v otnoshenii sootechestvennikov za rubezhom» [Federal Law N 99-FZ of May 24, 1999 (as amended on July 23, 2013) «On the State Policy of the Russian Federation towards Compatriots Abroad»]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/4733d92796950eff2201181bdbcf75ca68fa7ddc/ (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Gerasimova V.A. Rossijskie sootechestvenniki za rubezhom [Russian compatriots abroad]. Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]. N 2(1). P. 904–922. 2019. (In Russ.)

Glava departamenta MID po rabote s sootechestvennikami: 9 Maya za rubezhom otmetyat dostojno. [Head of the Department of the Ministry of Foreign Affairs for work with compatriots: May 9 will be celebrated abroad with dignity]. Tass. 2021. 4 May. URL: https://tass.ru/interviews/11303877 (date of access: 31.01.2023). (In Russ.)

Gusarova A. «Myagkaya sila» Rossii v Kazahstane i Central'noj Azii: kak vypolnyaet svoi celi Rossotrudnichestvo? [Russian «soft power» in Kazakhstan and Central Asia: how does Rossotrudnichestvo achieve its goals?]. 2017. 9 Jun. https://www.caa-network.org/archives/9305 (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Hanks R.R. Russian and Chinese Hard/Soft Power Projection in Kazakhstan. Soft Power in Central Asia: The Politics of Influence and Seduction, 2021. P. 199.

Il'ya Namovir: Trudno poverit', chto vlast' Kazahstana nichego ne znaet o diskriminacii russkih [Ilya Namovir: It's hard to believe that the government of Kazakhstan knows nothing about discrimination against Russians]. Ukraina.ru. 2021. 10 Aug. URL: https://ukraina.ru/20210812/1032048000.html (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Keohane Robert O., and Joseph S. Nye Jr. Power and interdependence in the information age, 1998. P. 158–165. Foreign Aff., 77. URL: https://www.jstor.org/stable/20049052 (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Laryuel' M., Pejruz S. Russkij vopros v nezavisimom Kazahstane: istoriya, politika, identichnost'. [The Russian Question in Independent Kazakhstan: History, Politics, Identity.]. M.: Natalis, 2007. P. 400–405. (In Russ.)

Meropriyatiya fonda i partnerov. [Events of the fund and partners]. // Fond podderzhki i zashchity prav sootechestvennikov, prozhivayushchih za rubezhom. [Foundation for the support and protection of the rights of compatriots living abroad]. URL: https://pravfond.ru/meropriyatiya/ (date of access: 16.05.2023). (In Russ.)

Morozova E.R. Rol' Rossotrudnichestva i organizacij rossijskih sootechestvennikov v Respublike Kazahstan. [The role of Rossotrudnichestvo and organizations of Russian compatriots in the Republic of Kazakhstan]. Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]. 2019. 2(8). P. 1612–1619. (In Russ.)

Novosti fonda podderzhki i zashchity prav sootechestvennikov, prozhivayushchih za rubezhom. [News of the fund for support and protection of the rights of compatriots living abroad.]. Fond podderzhki i zashchity prav sootechestvennikov, prozhivayushchih za rubezhom [Foundation for the support and protection of the rights of compatriots living abroad]. URL: https://pravfond.ru/pressts entr/?TAG_SECTION=none&TAG_COUNTRY=Kazahstan&datefrom=&dateto=&PAGEN_1=9 (date of access: 16.05.2023). (In Russ.)

O deyatel'nosti Departamenta po rabote s sootechestvennikami za rubezhom. [On the activity of the Department for work with compatriots abroad]. RIA Novosti. 2006. 8 Mar. URL: https://ria.ru/20060308/44002519.html (date of access: 31.01.2023). (In Russ.)

Oficial'nyj sajt Koordinacionnogo soveta organizacij rossijskih sootechestvennikov Respubliki Kazahstan (KSORKS RK). [Official site of the Coordinating Council of Organizations of Russian Compatriots of the Republic of Kazakhstan (KSORKS RK).] URL: https://ksors.kz/category/vse-razdely/ (date of access: 31.01.2023). (In Russ.)

«Osnovnye napravleniya politiki Rossijskoj Federacii v sfere mezhdunarodnogo kul'turno-gumanitarnogo sotrudnichestva» (utv. Prezidentom RF 18.12.2010) [The main directions of the policy of the Russian Federation in the field of international cultural and humanitarian cooperation (by the President of the Russian Federation 18.12.2010)] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130289/ (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Polikanov D.V. O novyh podhodah k rasprostraneniyu rossiyskogo gumanitarnogo vliyaniya [On new approaches to the development of Russian humanitarian influence]. Diplomaticheskaya sluzhba i praktika [Diplomatic service and practice]. 2021. P. 56–61. (In Russ.)

Primakov E.A. Gumanitarnaya missiya Rossii [Humanitarian mission of Russia. Puti k miru i bezopasnosti [Pathways to Peace and Security]. 2018. P. 182–196. (In Russ.)

Primakov E.A.: O gumanitarnoy politike i nemnogo o vneshney v celom. [On humanitarian and foreign policy in general]. Vesti. 2020. 29 Jan. URL: https://www.vesti.ru/article/1294031 (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Prudnikova T.A. Rol' sub"ektov organizacionno-pravovogo obespecheniya vzaimodejstviya rossijskogo gosudarstva s sootechestvennikami za rubezhom. [The role of the subjects of organizational and legal support for the interaction of the Russian state with compatriots abroad]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. N 3. 2014. P. 141–145. (In Russ.)

Revazova M.I. Problemy diasporal'noj politiki Rossii v blizhnem zarubezh'e [Problems of Russia's Diaspora Policy in the Near Abroad]. Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel'-Observer [Scientific and analytical journal Obozrevatel-Observer]. 2017. P. 79–93. (In Russ.)

Rezolyuciya Stranovoj otchyotno-vybornoj Konferencii organizacij rossijskih sootechestvennikov, prozhivayushchih v Respublike Kazahstan. [Resolution of the Country Reporting and Election Conference of Organizations of Russian Compatriots located in the Republic of Kazakhstan].

KSORKS RK. 2021. 4–6 Jun. URL: https://ksors.kz/wp-content/uploads/2021/07/REZOLYUCIYA-KSORS-RK-2021.pdf (date of access: 31.01.2023). (In Russ.)

Senggirbay M. Ethnic Identity of Kazakhstani Russians: The Dynamics of Change and the Place of Russia as a Kin State. 2019. Journal of Nationalism, Memory & Language Politics. N 13 (1).

Sibilyov V.I. Sootechestvenniki i polozhenie russkogo yazyka za rubezhom. [Compatriots and the position of the Russian language abroad] // Mezhdunarodnaya zhizn' [International life], (12). P. 132–139. 2011. (In Russ.)

Suslov M., 2017. Russian World: «Russia's Policy towards its Diaspora». Russie. Nei.Visions. P. 5–30. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/suslov_russian_world_2017.pdf (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.09.2022 g. № 611 [Decree of the President of the Russian Federation of 05.09.2022 N 611] URL: http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202209050019 (date of access: 08.09.2022). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30.11.2016 g. № 640 [Decree of the President of the Russian Federation of 30.11.2016 N 640] URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41451 (date of access: 31.08.2022). (In Russ.)

Yanthan C., Nath G. Russia'S Engagement With Its Diaspora in Kazakhstan: Soft Power At Play?. International Journal of Russian Studies. 2019. N 8 (1). P. 40–52.